

Известный советский кинорежиссер **Глеб Панфилов**, которого зрители хорошо знают по картинам «В огне брода нет», «Начало», «Прошу слова», «Валентина», приступил к работе над фильмом «Васса Железнова».

Наш корреспондент попросил рассказать режиссера о будущей картине.

— Глеб Анатольевич, насколько мне известно, вы сейчас работаете над экранизацией пьесы Горького «Васса Железнова». Как бы вы определили тему будущей картины, в основе которой — классическое, хрестоматийное произведение?

— В «Вассе Железновой» есть тема, звучащая, пожалуй, почти во всех моих картинах: талант и жизнь. Здесь — талант сильного человека, талант матери, любящей женщины, главы семьи. Талант — как дар божий... Однако Васса не только мать, жена, она еще и работник, причем, как принято теперь говорить, работник крупного масштаба: владеет пароходством на Волге. Горький удивительным образом в 1935 году (а мы берем за основу авторскую редакцию именно той поры), ставя в центр своей пьесы женщину девятисотых годов, предвидел многие проблемы, характерные для сегодняшнего

положения женщины. (Я сознательно не беру сейчас в нашей беседе тот хрестоматийный пласт пьесы, где рассматриваются проблемы уходящего буржуазного класса; но это не значит, что в картине ему не найдется места). Так, вместе с Горьким мы подходим к вопросам, связанным с эмансипацией. Дискуссии по этому поводу возникали не раз после просмотра фильма «Прошу слова».

— Но интересно ли возвращаться к тому же самому вопросу? Нет ли тут втора?

— Нет. В основе двух этих фильмов разные характеры. Если Уварова одержима идеей счастья для других, то Железновой правит идея благополучия своего клана. Мне интересно рассмотреть и схожесть, и кардинальные различия в их характерах (частью этого замысла является и то, что Железнову сыграет Инна Чурикова, игравшая Уварову в «Прошу слова»: вот лицо одно, а люди — разные). Есть, конечно, в обеих героинях черты национального, исконно русского женского характера: отказ от своего блага во имя семьи, детей, любви к мужу... Но действуют они по-разному, социальная основа оказывает мощное влияние на всю жизнь человека.

Да, Железнова и Уварова во многом разнятся, но и в этом фильме я должен

ИНТЕРВЬЮ ПЕРЕД СЪЕМКАМИ

✓ **Глеб ПАНФИЛОВ:**

ВПЛОТНУЮ К ГЕРОЮ

быть максимально объективным и доброжелательным по отношению к героине, раз уж я поставил себе целью исследовать ее характер. Меня в нем очень радует хорошее и очень огорчает плохое. Васса — не скверная, а удивительная; она — и продукт, и жертва своего класса. Ее жаль, она незаурядна и искренна и в нежности своей, и в ненависти... В новом фильме я постараюсь — по возможности глубже — понять и рассказать о том, чему может научить эта жизнь, жизнь Вассы Железновой.

Автор всегда присутствует в своих героях, но, дав им жизнь, он уже не властен над ними. Для простоты прибегну

к не новому, но верному сравнению с ребенком (герой) и его родителем (автор)... Я во многом не люблю Вассу, не принимаю ее, но и во многом сострадаю ей, хотя бы как отец, — матери двух дочерей и сына, бабушке...

Мне бы хотелось вернуть Вассе, которую всегда играли, в общем-то, пожилой дамой, ее возраст. «Васса Борисовна — лет 42, кажется — моложе», — так записал в своей пьесе Горький, и это обстоятельство для меня очень существенно. Васса — цветущая женщина, находящаяся в своей лучшей, зрелой поре. Она чувствует потребность в любви, любит и хочет продолжать любить. Однако жизнь взваливает на нее тяжкий груз...

Не менее интересна фигура революционерки Рашели, невестки Вассы. Раньше ее играли несколько прямолинейно, и было, мне кажется, непонятно, что же привлекает в ней Вассу, почему же она, умная и властная, не гонит прочь ту Рашель, крикливую резонерку... О Рашели можно, конечно, сказать, что она не знает жизни (если сравнивать, скажем, со знанием жизни у Вассы). Однако ей этого, по-моему, и не надо: она постигает жизнь иначе (я бы сравнил Рашель — и тут у меня есть конкретный, реальный образ — с поэтессой, чье познание действительно виждется скорее на сиюминутном чувстве,

нежели на разуме). Да, Рашель порой «режет правду» в случаях весьма неуместных, однако это ее свойство вполне искупается поразительным обаянием.

Рашель любима Вассой (она ей, чело- веку иных социальных установок, отдала единственного сына), ее боготворят взрослые дочери Железновой... «Рашель, живи с нами», — говорит Васса, и мы солидаризуемся с нею, нам это понятно. И вскоре же Васса пытается донести на Рашель жандармам: вступают в силу законы клана... Вот так, мне кажется, и должно возникнуть глубокое прочтение Горького.

— В связи с «Валентиной», вашей предыдущей работой, некоторые критики писали о появлении на экране нового Панфилова, пошедшего по необычному, как им казалось, пути в области кинематографической формы... А чем, с точки зрения формы, будет отличаться «Васса Железнова», скажем, от той же «Валентины»?

— В «Валентине» я сознательно обкрадывал себя в кинематографической выразительности (так, как ее привычно понимают). В «Валентине» все незыблемо, как сибирский лес, и мы познаем внутреннюю жизнь героев, вибрацию их чувств на контрасте.

В новом же фильме форма будет об-

ладать внешней экспрессией, соответствующей внутреннему состоянию героев. Все будет, как говорится, кинематографично, меня здесь не упрекнут в театральности. Камера подвижна, много крупных планов, способных показать влагу глаз, дрожание зрачка... Все — вплотную к герою, мы будем непрерывно фиксировать его состояние. А общие планы передадут фактуру, материальную среду, цвет вещей, предметов... Ведь «Васса Железнова» — фильм в известной степени для нас экзотический, и если современников Горького подробности верхнего, что ли, слоя мало интересовали (как привычные, хорошо знакомые детали), то нас интересуют очень. Но, чтобы на экране не остался только реквизит, мне и требуется крупный план...

В «Вассе Железновой» много сцен, дающих простор актерской игре и фантазии, и не только актерской. Это лучшая, по-моему, пьеса Горького. И поэтому я многое хочу увидеть в ней — крупно.

— Все мы с нетерпением станем ждать завершения этой вашей работы, успех которой, понятно, в немалой степени будет зависеть от исполнительницы главной роли... Во всех ваших картинах снимается Инна Чурикова, недаром о ней говорят, что она — «актриса Панфилова». Как бы

вы, режиссер Панфилов, охарактеризовали эту любимую многими актрису?

— Хрупкая внешне, она сильна в своей внутренней значительности. Впервые я снимал Чурикову в картине «В огне брода нет» — в трагикомической роли. Меня ошеломили ее возможности, и до сих пор я никак не могу ощутить ее предел. За 15 лет в ней проявилось, выросло трагическое дарование; в комедии у нас есть актрисы, не уступающие ей, например Наталья Гундарева и Светлана Крючкова, в трагических же ролях у нас в кино и театре ей нет равных... Глубокая эмоциональность сочетается в актерской природе Чуриковой с мощной интеллектуальной сферой, с аналитичностью, это мастер современной генерации. Будучи простодушной в бытовых проблемах, она беспощадно трезва и бескомпромиссна в вопросах творческих... Многие актеры, играя чувство, имитируют его; Чурикова из тех актеров, которые его воплощают.

— Глеб Анатольевич, вы ведь не только режиссер, но и зритель. Какой вы зритель?

— Строгий. Но зато и благодарный. Приходя в кинозал, я жду от экрана таких работ, где форма необходима и достаточна для содержания; это — формула совершенства.

Беседу вел Борис БЕРМАН.

Несколько, 1982, 1 мая